

Зборовский Г.Е.: «Сейчас в истории отечественной социологии меня особенно волнуют ее отношения с политикой и властью»

Это интервью с профессором Уральского федерального университета Гарольдом Ефимовичем Зборовским, доктором философских наук, Заслуженным деятелем науки РФ продолжает серию наших биографических интервью, вместе с тем оно принципиально отличается от ранее публиковавшихся в "Телескопе". Его биографичность особая. Оно не содержит информацию о жизни человека, но в нем Зборовский рассказывает о главнейшем в его профессиональной жизни — об историко-социологических исследованиях, важнейшей составляющей его многолетней научной и преподавательской деятельности. Занимающиеся историей нашей науки по-разному приходят к разработке этой тематики, но для Зборовского она — естественна, органична. Он историк по образованию, а значит — по пониманию предмета, изучением которого он занимается.

Обстоятельное собственно биографическое интервью

Г.Е.Зборовский дал мне летом 2013 года, оно вошло в сборник его научных статей, выпущенный университетом к 75-летию юбилею ученого¹. Значительную часть этого интервью в том же году опубликовал "Социологический журнал"². Данный текст включает в себя лишь несколько фрагментов нашей прошлогодней беседы, основная часть публикации — это материалы нового интервью по истории российской социологии и методологии ее изучения.

Мне приятно отметить, что уже после завершения этого интервью свет увидела новая книга Г.Е. Зборовского, в которой анализируются основные этапы развития российской социологии со второй половины XIX в. до наших дней³. И потому завершу это краткое введение поздравлением Гарольда Ефимовича и наилучшими ему пожеланиями.

Борис Докторов

Обращение к истории социологии

— В студенческие годы какие области истории Вас особенно привлекали? Повезло ли Вам с преподавателями? Мне кажется, что в годы Вашего студенчества история была очень идеологизирована, так ли это?

— Вы знаете, ни одна из областей истории не вызывала у меня особого интереса. Его вызывали скорее отдельные преподаватели. Среди них я бы выделил в первую очередь выдающегося византиниста профессора М.Я. Сюзюмова, который свободно владел шестью иностранными языками, перевел целый ряд важнейших источников, касавшихся экономической жизни Византии во времена Юстиниана, Феодоры и других. Вот уж кто был напичкан знаниями. Его можно было слушать бесконечно, хотя он не был оратором. Говорил тихо, повторяя многие фразы, тряс при этом головой. Любили его слушать немногие. Он читал лекции в длинной аудитории (студенты ее называли "кишкой"), кто хотел слушать, садились за первые столы. Остальные могли играть в шахматы, в карты, болтать, вязать, делать что угодно, он ни на кого не обращал внимания. Иногда он мог перейти с русского на латынь или греческий, и когда студенты ему робко говорили о том, что им непонятно, он обычно отвечал, что "вы все равно ничего не поймете". Потом Сюзюмов пригласил меня к себе в аспирантуру, но я уже сделал другой выбор — в пользу социологии (1963 г.).

Могу отметить смешной эпизод, связанный в моей жизни с его именем. Когда я в апреле 1965 г. защищал кандидатскую диссертацию в Уральском госуниверситете (по критике буржуазной социологии досуга), он был членом диссертационного Совета. Тогда в него входили представители многих гуманитарных специальностей, в том числе и историки. Едва на заседании Совета началась неофициальная часть дискуссии по моей диссертации, он первым попросил слова, что вызвало у членов Совета удивление: что Сюзюмов понимает в социологии вообще, в зарубежной — в особенности? Еще больше удив-

ления и настороженности вызвала его первая фраза, которую я хорошо запомнил: "Мне очень жаль, что мой уважаемый ученик пошел по неправильному пути". Все, а я первый, ожидали услышать анализ и критику работы. Но вместо этого он стал говорить о том, что неправильный путь — это выбор социологической, а не исторической темы, а затем в течение нескольких минут, уже под улыбки, а затем и откровенный смех, говорил о том, какой бы из меня получился прекрасный ученый историк.

Если же продолжать разговор о преподавателях, которые оказали на меня самое сильное, если не решающее, влияние в выборе дальнейшего пути, то абсолютно однозначно, не колеблясь ни минуты, должен сказать, что это был Лев Наумович Коган. Он преподавал у нас и диамат, и истмат, и историю философии. Лекции читал он просто великолепно. В них и в него самого мы все были просто влюблены (о его роли в моей жизни я еще скажу дальше). И хотя это были лекции по философии, а не по социологии (тогда, в 1956-1958 гг., этого слова мы даже не знали), сам его подход к анализу общественных явлений и процессов был по духу своему скорее социологическим. Ко-

¹ Зборовский Г.Е.: "Я ощущаю себя в первую очередь профессором" / Социология: современность и перспективы. Сборник научных статей. Уральский федеральный университет им. Б.Н.Ельцина. Екатеринбург: 2013 <http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=187&id=69>

² Зборовский Г.Е. "Меня тревожит раскол в российской социологии" // Социологический журнал, 2013. №4. С. 112-138.

³ Зборовский Г.Е. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу: монография. — Екатеринбург: УрФУ, 2014. 344 с.

нечно, вряд ли тогда это осознавалось в полной мере даже им самим. Я бы сказал, что лекции Когана были не просто содержательными и очень четкими по позициям, но эффектными, яркими, даже красивыми. Те, кто слушал его и знал манеру его выступлений, помнит, каким он был блестящим оратором.

Это было время, когда любая лекция и любая статья (не говоря уже о книгах) начиналась и завершалась ссылками на партийные документы, работы Маркса, Энгельса, Ленина и до 1956 г. — Сталина. Идеологизированной была не только история, но и все остальное (исключая разве что математику, но нам ее не преподавали: а, может быть, и в ней что-то находили?).

— Выпускники университетов обычно не идут преподавать в школу. Вы стремились стать учителем истории или так "посложилось"?

— Спустя четыре года после работы учителем истории в школе я попытался поступить в заочную аспирантуру — уже не по истории, а по философии (реально — по непризнанной в те годы в качестве профессии социологии — 1963 г.), но тщетно. Заведующий кафедрой мне намекнул, что, была бы его воля, он взял бы меня, но ... Так что мне пришлось идти другим путем.

Поэтому могу сказать, что, с одной стороны, я стремился стать учителем истории, и эта работа мне очень нравилась. Я всегда говорил и повторяю это сейчас: школа была для меня настоящей школой жизни. Я очень многому в ней научился. У меня в школе многое получалось (хотя далеко не все), и из меня со временем мог бы получиться приличный учитель. По крайней мере, знаниями я был напичкан, как хорошая бочка — селедкой (сравнение несколько грубоватое, но мне нравится). А именно таких знаний и не хватает (и в то время это было так, и сейчас, как мне кажется, мало что изменилось) многим учителям. И если дети ходили за мной "табуном", то это получалось только потому, что им было со мной интересно, что я им много рассказывал из того, чего в учебнике не было, что играл с ними в шахматы, баскетбол, настольный теннис, ходил в турпоходы, руководил хором и т.д. В школу я уходил к 8 ч. утра, а возвращался после 8 вечера, хотя самих уроков было не так много — всего 18 ч. в неделю (это была ставка, за которую платили 68 руб. в месяц).

— Вообще говоря, занятия теоретической социологией предполагают и повышенное внимание к истории социологии. Но Вы этой проблематикой занимаетесь целенаправленно. Когда и в силу каких обстоятельств история нашей науки попала в область Ваших особых интересов?

— Я абсолютно согласен с такой постановкой вопроса: действительно, занятия теоретической социологией предполагают и повышенное внимание к истории социологии. Однако, мой интерес к ней был вызван не только этим, но и целым рядом причин. 1. Я рано начал писать учебные пособия, а затем и учебники по социологии: первое из них, "Социология для студента" было опубликовано в 1990 г. Оно было небольшое, чуть больше 200 стр. По-моему, это было одно из первых учебных пособий в СССР (про которое мало кто знал, потому что оно было издано в Свердловске). Написание таких работ невозможно без обращения к историко-социологическому "Введению", которое является первым (или одним из первых) разделом в книгах подобного рода. Вслед за этим пособием я написал еще несколько, в том числе и учебник (вместе с Г.П. Орловым), который вышел в Москве в 1995 г. (он был признан победителем соросовского конкурса, и первый в своей жизни долларовой гонорар я получил именно за него). 2. Моя докторская была связана с социально-историческим анализом категории "свободное время", что потребовало выхода на "круг" литературы, выходящей далеко за пределы только этой категории. 3. Я все же историк по образованию, и тяга к историко-социологическому анализу почти что в крови.

Собственно сам учебник по истории социологии я писал и издавал в два этапа. В 2000 г. появилась "История социологии.

Классический этап", через год после этого — "История социологии. Современный этап". В 2003 г. в Екатеринбурге я издал большую работу "История социологии" (почти 900 стр.), где обе части были сведены. Появилась глава по истории социологии на Урале (впервые). В 2004 г. "Гардарика" в Москве также издали мою "Историю социологии", потом это сделали еще 2 или 3 раза (но уже без главы о социологии на Урале).

Почему я пришел к необходимости издать этот учебник? Строго говоря, не только его, но и другие. Дело в том, что в 1997 и 1999 гг. у меня вышло два издания большого (по объему почти такого же, как "История социология") учебника по "Общей социологии", потом в Москве — еще одно, третье (в 2004 г.). В 2002-2004 г. была опубликована "Прикладная социология" (в соавторстве с Шуклиной — сначала в Екатеринбурге, затем в Москве), в 2004-2005 гг. — "Социология управления" (в соавторстве с моей докторанткой, ныне профессором, д.с.н. Н.Б. Костиной), затем — "Социология образования", в 2006 г. — "Социология досуга и культуры", также в Москве. Я привел этот перечень учебников и учебных пособий с одной целью — сказать о том, что ощущаю себя в первую очередь не ученым (упасти господь крупным), а профессором. Вероятно, мои самооценки не совпадают с оценками со стороны. Я люблю читать студентам, магистрантам, аспирантам свои авторские курсы, по которым есть мои учебники. Многие мои коллеги считают, что ряд учебников Зборовского имеет монографический характер (что, отмечалось, кстати, и в некоторых рецензиях, в том числе и на "Историю социологии"). Если это, действительно, так, я безмерно рад.

Неожиданно для меня оказалось, что подготовка учебников и учебных пособий таит в себе значительные перспективы творческого роста, подчас гораздо большие, чем проведение исследований по отдельным проблемам и написание на их основе монографий. Эта работа позволяет не просто систематизировать и синтезировать накопленные в самых различных областях социологической науки знания. Она требует постоянного отслеживания и изучения большого объема социологической литературы, что заставляет постоянно находиться, если можно так выразиться, в хорошей научной форме.

С другой стороны, не меньшее значение в этом плане имели для меня постоянное чтение лекций и семинарские занятия со студентами и аспирантами. Это тот педагогический полигон, где можно на практике проверить качество изданных либо готовящихся к изданию учебников. Данное обстоятельство являлось для меня очень важным при подготовке каждого из них. Я бы не хотел осуждать некоторых моих коллег — авторов учебников и учебных пособий по общей социологии, истории социологии, отраслевым социологиям, но когда читаешь некоторые из этих книг, то сразу возникает вопрос: насколько они апробированы в студенческих аудиториях? Ответ на него часто бывает неутешительным. Я взял себе за правило: не публиковать работ для студентов, пока не будет прочитан (причем желательнее не один раз) соответствующий курс в аудитории.

При написании учебников и учебных пособий я руководствуюсь несколькими, для меня наиболее важными принципами. Это, в первую очередь, доступность, учет специфики аудитории. Еще один принцип — ограниченность полемики и ее весьма умеренный характер. Так, при создании учебников по истории социологии передо мной стал вопрос, в какой форме высказывать собственное отношение к творчеству современных социологов и мыслителей прошлого. Конечно же, был соблазн полемизировать, не соглашаться и даже критиковать. Тем более, что речь идет о точках зрения, многие из которых сегодня выглядят наивными. Однако путь был избран иной: показ реальных достижений социологической мысли, позитивного отношения к ним и формирования у читателя аналогичной позиции относительно всей истории социологии.

Подытоживая в целом работу по написанию учебников и учебных пособий по социологии (кстати, за них мне была при-

своена премия МГУ им. Петровского), должен сказать, что это очень важное направление в моей профессиональной жизни. Сразу скажу, что сейчас пока ничего не пишу из работ этого жанра. Нужно бы подготовить новое издание "Основ социологии" (раньше называлась "Общая социология"), но пока выраженного желания нет. Надо чуть-чуть отдохнуть и от этого.

— Как ты думаешь, в чем (или чем) твое базовое историческое образование помогает тебе в твоих историко-социологических исследованиях?

— В ответе на этот вопрос я бы выделил две его части: методологическую и конкретную. В рамках первой это, конечно, общая ориентация, это подход, это стремление выявить то, что досталось нам в наследство от предшественников, это отращивание к "Иванам, не помнящим родства". Историческое университетское образование (а я думаю, что получил хорошую базу) вошло "в кровь", приучило к тому, что прежде чем браться за конкретную актуальную проблему сегодняшнего дня, нужно поизучать, что и как думали и писали о ней (или о близкой к ней) проблеме раньше. Мои докторанты и аспиранты, по-моему, "стонут" от этого моего "историко-социологического бзика". Далеко не все из них имеют социологическое образование, и когда научный руководитель (консультант) требует разобраться в историко-социологическом анализе диссертационной проблемы, я думаю, что радости большой им это не доставляет в силу сложности и непривычности такой работы.

Собственно, мой приход в социологию в определенной степени был тоже связан с интересом к истории этой науки, хотя, конечно, в 1963 г. ни о каком Конте и Спенсере я не слышал. Если и слышал, то в другом аспекте, например, о Конте как представителе враждебной марксизму позитивистской философии. Маркс же был "солнцем" экономической науки. Но когда я стал заниматься в 1960-1970-е гг. проблемой свободного времени, вот уж тогда вдоволь "порезвился" над историко-социологическим и, более широко, социально-историческим анализом этой проблемы. Кстати, это не прошло незамеченным. В.А.Ядов, который выступал у меня оппонентом по докторской, достаточно позитивно оценил мой подход и выполненный анализ.

Что касается второго аспекта этого вопроса — о конкретике влияния и помощи моего исторического образования в исследованиях историко-социологического характера, то речь идет, прежде всего, о знании фактического материала. Конечно, можно хорошо знать историю, не получив соответствующего образования. И таких людей, между прочим, не так мало. Это большие любители истории, много читающие и интересующиеся ею. Увы, у меня давно уже нет на это времени. Но знания, приобретенные много лет назад, очень сильно помогают и сейчас. Все-таки хорошо учили в давние времена и хорошо учились сами. Но все-таки главное — это привитый вкус к истории, который почти что "автоматически" распространился на вкус к истории социологии, как только я окунулся в стихию социологической науки. Немало этому способствовала и западная литература, которую я начал читать и изучать с 1963 г.

— Какие географические (страны), предметные и временные сферы, ниши развития социологии наиболее интересны тебе как историку социологии?

— Очень любопытный вопрос, равно как и следующий. Раньше я как-то специально не задумывался над этим. Сейчас же, по прошествии 50 лет работы в социологии, выясняется, что интерес заметен менялись. Когда я начал заниматься социологией (в 1963 г.), первой проблемой было исследование свободного времени в рамках конкретной отрасли — социологии досуга. Причем предметом исследования было изучение свободного времени с античных времен до наших дней и рефлексия этой проблемы в зарубежной социологии (в отечественной этим никто не занимался). Было невероятно интересно. Помимо всего прочего, удалось открыть целый пласт вопросов и зарубежных работ нашему читателю, равно как и но-

вых (для нас) авторов (Дюмазедье, М.Каплан и пр.). Потом появилась новая сфера интересов — социальное время и пространство и образ жизни, опять в таком же ключе, что и проблема свободного времени. Исследования были связаны с написанием кандидатской и докторской диссертаций и занимали заметную их часть. Историко-социологический анализ в них был одной из доминант.

В 1990-е гг. произошло смещение интересов, опять же в связи с принципиально новой сферой и новым видом деятельности. Новой сферой стало социологическое образование и базовые курсы, которые я стал читать студентам-социологам. Одним из них стала история социологии (240 часов), которую я читал всю один — от Конта до наших дней. Вслед за чтением курса и преподаванием появился принципиально новый вид деятельности — написание учебников, одним из главных среди которых стала "История социологии". Этот учебник получил гриф Министерства образования в 2004 г., положительную прессу и по сей день используется в учебном процессе во многих вузах России. Процесс работы над ним, я бы сказал, в корне изменил мои интересы в истории социологии. Проблемный подход к ней уступил место парадигмальному, а затем и метапарадигмальному, особенно в связи с появлением книги "Теоретическая социология XX — начала XXI века" (2007). В сферу внимания попали многие теории многих ведущих социологов Запада. Если же учесть, что я являюсь противником "странового" анализа и изложения истории социологии, а придерживаюсь проблемно-теоретического принципа и стараюсь рассматривать направления, теории, концепции, парадигмы в тесной связи с творчеством их авторов, но не стран, в которых они работают (работали, поскольку многие из них нередко меняют место жительства и творчества), то становится понятным резко расширившийся круг моих интересов к работам историко-социологического характера. Наконец, последний поворот в "историко-социологических" интересах происходит в самые последние годы. Он сопряжен со стремлением выявлять сквозные проблемы, характерные для социологической науки на протяжении всех этапов ее развития. Сейчас, в связи с завершением работы над книгой "Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу", меня очень волнует проблема "социологии, политика, власть" именно как сквозная проблема всей российской социологии с момента ее появления в XIX веке вплоть до наших дней. В анализе этой проблемы я пытаюсь найти ключ к пониманию взаимоотношений между социологией и властью сейчас в нашей стране.

— Какие проблемы или направления в изучении истории российской социологии (на всех этапах ее развития) представляются тебе наиболее интересными? Творчество каких российских социологов, по твоему мнению, заслуживает особого внимания?

— Мои интересы в изучении истории российской социологии в последние годы также значительно изменились. Когда я писал учебники по истории социологии, а это было в период с 1998 по 2004 г., то стремился раскрыть, прежде всего, содержательную сторону различных теорий и концепций отечественных социологов. Такой интерес нетрудно объяснить: задача автора учебника для студентов социологической специальности состоит в характеристике взглядов ученых, представлявших основные парадигмы, течения и теории, непосредственно относящиеся к социологической науке. Однако общественные процессы, которые начались в стране после 2003 г., усиление сначала авторитарных тенденций, а потом появление и отдельных сторон тоталитаризма, заставили задуматься над вопросом о положении, роли и миссии социологии в России в новых условиях, о вкладе, который она может внести в создание в России гражданского общества.

Сейчас в истории отечественной социологии, как я уже выше отметил, меня особенно волнуют ее отношения с политикой и властью. К сожалению, они гораздо реже привлекают

внимание и интерес историков социологии, для многих из которых на первом месте традиционно находится изучение теорий, идей, взглядов отечественных мыслителей. Между тем, ответы на многие вопросы, касающиеся внутреннего развития социологической науки, а затем и практики, можно получить, лишь представляя существующее в обществе и у власти отношение к этой науке. С другой стороны, необходимо знать отношение в самой социологии к внешней среде ее функционирования, включая управленческие и властные структуры. Я считаю, что проблема взаимоотношений между социологией, политикой, властью, государством является сквозной для отечественной социологии на протяжении всех трех этапов ее существования, начиная с середины — второй половины XIX в.

Эта проблема оказалась в центре внимания социологической науки в силу, прежде всего, объективных обстоятельств, главным среди которых было непрекращающееся господство либо авторитарного, либо тоталитарного режима. Отечественная социология никогда "не везло" на власть. Из 150 лет ее существования (цифра примерная) едва ли найдется 15 лет (10%) жизни науки вне этих властных режимов. Сначала первые 3-4 года Советской власти, когда было не до социологии и мирно уживались дореволюционные мыслители и марксисты, и 1990-е гг. Вот и все! Чему тут удивляться в таком случае? Социологи часто работали по принципу "не до жиру, быть бы живу". Зависимость от партийно-политического и государственного режима была постоянной, отсюда и центральное место проблемы "социология, политика, власть". Пожалуй, лучше всего в современной социологической литературе эту ситуацию осмыслили и показали в работах последних лет А.Г. Здравомыслов и Б.М. Фирсов (2010-2012 г.).

Что касается творчества российских социологов, заслуживающих особого внимания, то вряд ли я скажу что-то из ряда выходящее. По-моему, их творчество уже достаточно хорошо известно. В рамках дореволюционного этапа это Ковалевский, Лавров, Михайловский, де Роберти, Кареев (Сорокина даже не называю, настолько это очевидно), отчасти Тахтарев. В рамках советского и постсоветского этапов — увы, к несчастью, уже ушедшие Грушин, Левада, Кон, Заславская, Здравомыслов и, к счастью, живущие и работающие Ядов, Лапин, Яницкий... Я не назвал академиков, но они мне не интересны. Это — самое старшее, первое поколение — по твоей периодизации или лестнице поколений, как угодно. Но я внимательно слежу за работами представителей следующих поколений — Покровского, С.А. Кравченко, Подвойского, Е.А. Здравомысловой, Зубок... Появляются и другие.

— Один вопрос почти личного характера. Как ты знаешь, в 2012 и в 2013 годах Европейский университет в С.-Петербурге выпустил две книги по истории советской социологии: монографию Бориса Фирсова и мою. Как ты думаешь, это притормозит появление новых историко-социологических исследований или, наоборот, активизирует их?

— На "почти личный вопрос" — совсем "не личный" ответ. Я абсолютно уверен в том позитивном эффекте, который должен возникать вслед за выходом очень важных, фундаментальных работ. Эффект здесь может быть, с моей точки зрения, только одним — активизацией интереса к историко-социологической проблематике. Рассмотрю это положение на собственном примере. Не хочу льстить тебе в глаза, а Борису Максиминовичу — "за глаза", но приведу один большой фрагмент (ты можешь его сокращать, как угодно) из моей новой книги, которую в конце июня сдаю в печать и которая называется "Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу". Речь идет о главе, посвященной второму этапу развития нашей социологии — от 1917 г. до конца 1980-х гг. В начале главы я называю достаточно много авторов и их работ, которые серьезно повлияли на мои представления о развитии отечественной социологии на этом этапе. Далее цитирую самого себя:

"Из этого перечня работ и их авторов особо хотелось бы

выделить книгу Б.М.Фирсова "История советской социологии: 1950-1980-е годы. Очерки. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012". Она, как никакая другая, соответствует позициям и убеждениям автора. Во-первых, речь идет о хронологических рамках исследования. Несмотря на то, что Фирсов определяет их в заглавии как 1950-1980-е гг., реально он выходит далеко за пределы обозначенных границ, причем в обе стороны. Де-факто исследователь рассматривает развитие отечественной социологии с момента ее возникновения в XIX в. и до наших дней. Во-вторых, в книге содержится большой документальный материал (выдержки из самых различных документов, устные рассказы, личные свидетельства и наблюдения известных отечественных социологов), который выступает как своего рода свидетельство верификации суждений и аргументов ученого. В-третьих, благодаря использованию гигантского количества самой различной историко-социологической информации и ее глубокой качественной интерпретации, Б.М.Фирсов предлагает читателю один из наиболее достоверных, с нашей точки зрения, вариантов исторической реконструкции развития отечественной социологии. Именно этим работа Фирсова особенно близка автору, поскольку его работа представляет собой также одну из попыток исторической реконструкции процесса развития отечественной социологии со времени ее появления до наших дней. Наконец, в-четвертых, что не менее важно, чем "во-первых, во-вторых и в-третьих", — в центре внимания Б.М.Фирсова находится изучение отношений между социологией и властью, опять же на протяжении всей истории развития этой науки. Нет необходимости еще раз специально подчеркивать значение обозначенного подхода для автора данной книги, поскольку именно такая ее направленность неоднократно декларировалась раньше. Подчеркивая особое значение книги Б.М.Фирсова, мы ни в коем случае не хотим умалить значение ряда других, названных выше, работ, в первую очередь Г.С. Батыгина, Б.З. Докторовой, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова. В них также содержатся крайне важные для нас оценки и трактовки рассматриваемого этапа отечественной социологии".

Мне кажется, я ответил на твой "почти личный" вопрос. Он, на самом деле, вполне научно обоснован и оправдан. И еще раз: думаю, что два ваших серьезнейших историко-социологических труда — Фирсова и твой — будут иметь очень большое позитивное значение для дальнейшего развития отечественной историко-социологической мысли. Для меня лично вопрос в другом: как скоро могут появиться такие же фундаментальные работы, касающиеся истории отечественной социологии? Здесь я бы поостерегся давать оптимистические прогнозы.

— Тогда еще один личный вопрос, но иного плана. Не мог ты припомнить сколько из твоих многочисленных аспирантов делали исследования по истории социологии, в том числе — советской/российской. Примерно, по каким темам?

— Не так много. Чисто историко-социологических работ практически не было. Когда я определяю вместе с диссертантом тему его работы, то исхожу обычно из его интересов, склонностей, наработок. История социологии в "чистом виде", увы, отсутствовала. Была у меня аспирантка с такой темой: "Образование как историко-социологическая проблема (на материалах классического этапа социологии)". В ряде докторских работ были большие историко-социологические разделы, но тоже не по историко-социологическим темам. Вот пара-тройка названий докторских с такими разделами: "Социологический анализ городского социального пространства" (защищена в 1997 г.), "Религиозная общность: институционально-доктринальный аспект социологического исследования" (2001 г.), "Модернизация педагогического образования: социологический анализ" (2010 г.). Все работы были очень сильными, и я думаю, что этому способствовали серьезные историко-социоло-

гические исследования диссертационных проблем.

Одна из причин, которая объясняет сложность ситуации с историко-социологическими проработками, состоит в отсутствии у многих моих диссертантов социологического образования, которое дает целостное представление об истории нашей науки. Самообразование, конечно, значимо в этом вопросе, но лучше бы оно ложилось на хорошо взрыхленную конкретными историко-социологическими знаниями почву. Так что, отвечая на твой вопрос, скажу: трудно.

— Удивлен... а у кого из занимающихся историей российской социологии есть социологическое образование? У Г.С. Батыгина не было, у И.А. Голосенко — не было, у Б.М. Фирсова и нас с тобой — нет. Согласен с тем, что подобное образование — дело нужное, но твоё объяснение явно не исчерпывающее. Мне кажется, что дело в неких базовых, очень глубинных установках человека, в его видении науки и желании понять ее развитие. Ты — историк по настрою и образованию, для тебя естественным было обращение к истории науки как теме направленного анализа той науки, которой ты занимаешься многие годы. Скажу о себе: меня всегда интересовала история науки и деятельность ученого, сначала это были математики и физики, в последние годы — социологи. Это и определило мой подход к изучению современной истории российской социологии.

Вообще, насколько твои собственные исследования (выбор направлений и тем, раскрытие многих сложных научных и научно-нравственных проблем...) биографичны, т.е. в какой-то мере они предопределены до — и вне профессиональным опытом? И насколько подобная биографичность высветивается в работах социологов — классиков и современников?

— Теперь я не соглашусь с тобой — в связи с полемикой по вопросу о социологическом образовании, которое, по моему мнению, является крайне важной основой интереса к истории социологии, а по твоему мнению, основа интереса — в другом, как ты пишешь, в глубинных установках человека, в его видении процесса развития науки. Но ведь эти установки ложатся на какую-то базу знаний, просто так они не появляются (вспомни теорию установок Д.Н.Узнадзе). Твои примеры касаются крупных ученых, пришедших к истории социологии разными "тактическими" путями, но на основе одной стратегии — глубочайшей потребности в ней (истории социологии, ее изучении), которая реализовалась у каждого из них весьма своеобразно. И потом — эти ученые первых поколений — "звезды" социологии. А мы говорим об "обычных" аспирантах.

Мой педагогический опыт показывает, что если студента-социолога заинтересовать конкретной историко-социологической проблематикой, то в принципе можно на что-то в дальнейшем рассчитывать. Но "замотивировать" студента-прагматика, который часто думает, какую материальную пользу можно извлечь из занятий наукой, историей социологии — не так просто. Мне лично в последние годы удавалось это сделать редко. Отсюда очень остро стоит проблема интереса в преподавании истории социологии и, главное, ее связи с современностью. Важно, чтобы студент (магистрант), аспирант понимал роль историко-социологического знания в решении современных проблем и возможности его применения в анализе современности.

Теперь второй вопрос — о предопределенности исследовательской биографией (если сформулировать задачу несколько грубовато). Вопрос очень интересен и явно стоит того, чтобы поразмыслить над ним. Ты не поверишь, но впервые я задумался над этой связью в середине 1960-х гг. Я уже как-то говорил, что в рамках изучения проблематики свободного времени, а затем и — более широко — социального времени обратился к социально-историческому анализу проблемы времени. Тогда я задавал себе вопросы: чего меня так тянет к этой проблеме? Что

мне лично в ней интересно (кроме анализа западных теорий — Маркса, Дюмазедье, Фурастье, Каплана, Виленски и многих других, которыми я занимался как предметом критического анализа — кроме Маркса)?

Вот тогда эту связь я и обнаружил в собственном интересе к времени как факторе повседневной жизни, от которого, как мне казалось, зависит все. Я чувствовал время буквально кожей, днем я мог назвать время, не глядя на часы, с точностью до 5 минут, ночью ошибался в пределах 30–60 минут, проверяя себя неоднократно. Я не могу точно сказать, являлось ли такое слишком бережное отношение к времени нормой или здесь скрывается какая-то "темпоральная патология", но это было. И это отношение, будучи реальным фактом моей биографии на протяжении многих лет, существенно стимулировало меня на те исследования, о которых я говорил выше. Я могу сейчас легко объяснить, откуда взялось такое отношение ко времени: от совмещения многих занятий, к каждому из которых был большой личный интерес. Все это заставляло постоянно "читать" и экономить время, причем гораздо больше, чем, скажем, деньги.

Научный интерес к проблеме времени подогревался очень важными литературными источниками, среди которых я бы выделил два — письма Сенеки к Луцилию и повесть Д.Гранина "Эта странная жизнь". Не правда ли, эдакое причудливое сочетание? Но так было. Это — факт биографии, и его никуда не деть.

Знаменитое письмо из тюрьмы Сенеки к своему другу Луцилию тогда (середина 1960-х гг.) очень сильно подействовало на меня. Это было письмо, в котором он призывал друга беречь больше всего на свете время, которое никак нельзя восполнить, в отличие от всего остального, и которое является самой большой ценностью. И примерно в этот же период журнал "Аврора" публикует повесть Д.Гранина "Эта странная жизнь", в центре внимания которой — профессор Любищев (реально занимавшийся генетикой), который всю сознательную жизнь ученого вел дневники, в которых фиксировал в рамках собственного бюджета времени его повседневное использование.

Не знаю, ответил ли я на твой вопрос. Но если ты его как-то уточнишь, постараюсь больше "уйти" в интересующую тебя связь и зависимость.

А посмотри на биографию О.Конта. Ее знание очень важно с точки зрения понимания того, как он пришел к позитивизму. Его любовь и интерес к физике, математике, потом — биологии и медицине объясняют многие обстоятельства и линии его творчества. Я лично для себя давно уже сделал вывод, как нужно читать историю социологии и как через биографию социолога, его личную жизнь показывать его научные интересы. Мне никогда не нравились учебники и монографии, в которых излагаются только теории и идеи. Это касается в полной мере книг по истории социологии. Может быть, поэтому моим студентам интересно на лекциях по истории социологии — я им рассказываю много о личной жизни и фактах биографии социологов. Но для этого их нужно знать и искать в литературе, что не всегда просто.

— Очень интересно и ценно. Замечу, Сенеку и Луцилия повстречать не удалось, но Александра Александровича Любищева в мои студенческие годы знал. Семинар, который описывает Гранин, — это наш семинар, в котором я воспитывался... А.А. несколько раз у нас выступал, был я и у него дома (его дочери)... диплом писал на основе обработки его биологических наблюдений... далеко не все понимал, что говорил А.А., но его философско-биологические построения читал еще на тончайшей бумаге, почти слепой шрифт... его долго не публиковали как антилысенковца и даже антидарвиниста.

В принципе ты ответил на мой вопрос о биографичности творчества социологов и даже на собственном опыте и описании движения Конта к позитивизму по-

казал, что это так. Будет повод, пообсуждаем этот факт. А сейчас новый вопрос.

В советской социологии марксизм был "всеми": теорией, методологией, идеологией, методом и т.д. Сейчас российская социология — полипарагматична. Мне кажется, что переход от марксистской парадигматике к полипарагматичности произошел слишком быстро и совсем "бескровно". Так ли это? Если так, то в чем дело?

— Я не уверен, что слишком быстро и совсем "бескровно". Для кого — как. Для меня — да, я как будто бы ждал этого часа. Но не нужно забывать, я отчасти формировался на зарубежной социологии и в 1960-1970-е гг. читал Парсонса, Мертона и других ее корифеев. К этому добавь мое отношение к КПСС, из которой я вышел почти на год раньше, чем она "закрылась" (что, кстати, вызвало бурные дебаты среди научно-педагогической общественности: одни меня открыто называли предателем, другие — не очень громко — героем). А вот мой ближайший товарищ и соавтор профессор Г.П. Орлов мучительно переживал процесс перехода от монопарадигмальности марксизма к полипарадигмальности западной социологии. И я до сих пор хорошо помню наши жесткие дискуссии во время написания совместного учебника по общей социологии (1992) и его просьбу излагать социальную структуру общества "по Марксу" как классовую структуру, а также его неготовность принять теории социальной стратификации, начиная с Вебера и кончая Шилзом, Дэвисом и Муром. Потом, правда, эта ситуация оказалась преодоленной, но было непросто.

Однако ведь не в этом дело. Маркс был одним из выдающихся социологов за всю историю нашей науки, несмотря на то, что не принял ее контовского названия. И забыть это — значит стать "Иваном, не помнящим родства". Можно по-разному относиться к его творчеству, принимать на собственном исследовательском уровне или нет, но нельзя отвергать Маркса. Мне нравится подход ряда историков социологии (наших и зарубежных), которые, говоря о классическом этапе, называют в качестве его наиболее выдающихся представителей ("классиков") 4-5 имен: Конта, Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Вебера. Из этого "джентльменского" социологического набора иногда "выпадает" Спенсер, но может появиться Зиммель. Маркс же в нем — всегда. И это справедливо. Вообще же, с точки зрения выбора методологии исследования, мне импонирует подход В.А.Ядова: использовать при рассмотрении конкретных проблем такой способ их анализа, который позволяет "примерять" разные парадигмы (в том числе и марксистскую). Переход от одной к другой, третьей и т.д. парадигмам позволяет каждый раз по-новому посмотреть на суть проблемы.

— Сказанное тобой позволяет предположить, что ты согласился бы с суждением Геннадия Васильевича Осипова, который в ходе нашего интервью ответил на примерно на такой же вопрос, что отход от марксизма в СССР начался задолго до перестройки.

— Нет, не согласился бы. Я бы просто не стал универсализировать, распространять на всех это суждение. Кто-то, вероятно, да, но совершенно уверен, что большинство даже не думало в этом направлении, настолько прочно "въелся" марксизм как в общественное, так и индивидуальное сознание. Не знаю, что в это время размышлял "сам про себя" ГВ, но, судя по его работам, опубликованным в тот период, там такого даже и близко не наблюдалось. Впрочем, теоретическое "раздвоение" личности (думать одно, писать другое) исследователя социально-гуманитарных проблем (может быть даже "растроение" личности — думать одно, говорить другое, а делать третье, блестящий образец которого демонстрирует президент страны) — вещь не новая. И потом — отход от марксизма — процедура весьма болезненная для интеллекта, не привыкшего к противоречиям. Не будем забывать, что Маркс был великим ученым, а трудам всех великих присуща "железная" логика. Мне кажется, на чисто логическом уровне Маркса очень трудно опровергнуть.

— Как ты смотришь на попытки некоторых социологов построить особую российскую социологию, в частности, базирующуюся на принципах православия?

— Прежде всего, я не считаю их социологами. Это скорее идеологи, временами же — просто шарлатаны. При этом я не имею в виду верующих социологов. Быть верующим и создавать особый тип социологии, "замешанный на принципах православия" — вещи совершенно разные. Никому в голову не приходит говорить о православной (католической, мусульманской, иудейской) физике, химии, биологии, хотя среди физиков, химиков, биологов полно православных, католиков, мусульман, иудеев. Когда студентов социологического факультета МГУ пытаются мобилизовать "под знамена консервативного православия" (как абсолютно точно выразился о ситуации на факультете покойный А.Г. Здравомыслов), которое стало доминирующей идеологией на факультете главного университета, а его декан Добренков пишет во всех своих работах последних лет, что основой отечественной социологии должен быть принцип Уварова "православие, самодержавие и народность", куда уж дальше? Или у нас уже отменена статья Конституции об отделении церкви от государства, а школы — от церкви? Пусть этот декан хоть днюет и ночует в храме, но на факультете в светском государственном вузе православию (равно как и иным вероисповеданиям) не должно быть места. Причем речь идет в первую очередь о науке и ее преподавании. По моему мнению, не может быть православной (мусульманской или иной) социологии. В социологической науке есть хорошо развитая отрасль — социология религии, фундамент которой был заложен классиками социологии: Дюркгеймом, Вебером и др. Но никому в голову не придет говорить о том, что если М. Вебер написал "Протестантскую этику и дух капитализма", то тем самым создал протестантскую социологию. Другое дело, что принципы протестантизма, которые исповедовали многие в условиях капитализма, помогли Веберу как социологу объяснить успехи этого общественного строя, его достижения. Я хорошо знаю, что в религиозных (православных) вузах России открыто говорят и пишут о православной социологии, и знаю этих людей, которые пришли в эти вузы из государственных учебных заведений. Однако это — другое дело. Нравится нам или не нравится (мне лично очень не нравится), но такую ситуацию просто нужно признать. А вот другую — связанную с пропагандой православия в науке и светском образовании — признавать не хочется, поскольку в этом случае мы имеем дело с "антинаукой" и "антиобразованием".

Воспоминания о коллегах

— Тормознем слегка хронологический ряд рассказа. Л.Н. Коган — очень яркая фигура в российской социологии, пожалуйста, расскажите о нем, о его роли в вашей жизни. Здесь же хотелось бы узнать о ваших конференциях памяти Когана.

— О Льве Наумовиче могу рассказывать бесконечно, все-таки личное знакомство с ним, которое продолжалось с 1956 г., когда я впервые услышал его лекции и сдал ему первый экзамен (по диамату), будучи студентом 2 курса, и по 1997 г., когда он умер (я был у него дома за 3 дня до смерти, которая наступила после тяжелой болезни 14 июля), дает мне такое право. Он никогда не был моим формальным научным руководителем, зато был дважды официальным оппонентом — на защите кандидатской и докторской. На самом деле, конечно, я считаю себя его учеником и горжусь тем. Он мне давал читать рукописи его последних (написанных в 1880-1990-е гг.) книг: "Жить по справедливости", "Человек и его судьба", "Зло", "Вечность", "В четвертом измерении", "Жизнь в поколениях. Классика и современность", "Философия: серьезная и веселая. Очерки о философии Уильяма Шекспира" и при этом просил делать по ним замечания, а затем дарил их с очень теплыми, сейчас разрывающими сердце дарственными надписями (пишу эти строки, и

слезы наворачиваются на глаза, все до сих пор живо в памяти, а его книги передо мною). Он писал прекрасные стихи, и небольшая их книжечка тоже передо мною, — "Белая обезьяна" (1996). Он был поистине энциклопедистом в гуманитаристике: философ, социолог, эстетик, историк, искусствовед, театровед, киновед... Память у него была просто феноменальная.

О застольях с его участием до сих пор ходят легенды, лучшего тамады я просто никогда не слышал. А его устные рассказы, он их называл притчами, можно было слушать бесконечно, причем одни и те же по несколько раз, и каждый раз хохотать до боли в животе. Мне кажется, их было у него около 40. Мне фантастически повезло, поскольку большую часть из них я слышал, а многие — не по разу. Как правило, эти притчи он рассказывал в застолье. Даже из журнала "Крокодил" к нему специально приезжали с просьбой дать им хотя бы одну притчу, но он категорически отказывался это делать, полагая, что они на бумаге потеряют свой колорит именно устного (причем авторского) рассказа. Вообще те, кто его хоть один раз слышал, забыть уже не могли никогда. Лев Наумович был блестящим научным руководителем. Под его руководством было защищено 22 докторских и 182 кандидатских диссертаций, причем в подавляющем большинстве это были хорошие работы, халтуру он просто не пропускал. В память о Когане ежегодно проводятся у нас Коганские чтения, приобретенные статус международной конференции.

Не могу не сказать специально о двух любимых учениках Л.Н. Когана — профессорах Ю.Р. Вишневском и В.Т. Шапко (последний умер несколько лет назад), которые сделали очень много для сохранения памяти о Л.Н. Когане. Достаточно назвать двухтомное издание его избранных трудов с 1961 по 1997 гг. общим объемом около 50 п.л., опубликованное в 2009 г. (редакторы-составители Ю.Р. Вишневский, Г.Е. Зборовский, В.Т. Шапко). Боюсь, что многих вещей не коснулся, а что сказал — выглядит несколько сусально. Но так уж получилось.

Заканчивая разговор о Л.Н.Когане, скажу, что за 16 лет, прошедших после его смерти, он абсолютно не забыт. Студенты пишут работы о его творчестве, его ученики постоянно цитируют ученого. Про себя лично могу сказать, что его "Социологию культуры" использую регулярно, хотя прошло более 20 лет со времени ее издания. Мне было у кого учиться, и за это я благодарен судьбе. Это вовсе не значит, что я идеализирую Когана, да он в этом и не нуждается. Конечно, он был сыном своего времени, он не взрывал его идеологию и даже не угрожал ей, но мастерски адаптировал ее под свои исследовательские задачи и показывал всем, как это нужно делать. Однако, что важно отметить, его работы 1990-х гг. уже смотрели в XXI век. И вполне был прав один из любимых учеников Когана Владимир Волков (тоже ушедший из жизни) в стихотворении "Памяти Льва Наумовича Когана", зачитанном им на поминках 18 июля, когда в последних строках писал:

Не прижился к врачам и палатам,
Взбунтовался Лев — Человек.
И ушел. Но не в этот, Двадцатый.
А вперед — в Двадцать первый век!

— **А как сегодня екатеринбургские социологи оценивают деятельность Михаила Трифоновича Иовчука и Михаила Николаевича Руткевича? Об Иовчуке очень мало написано, хотя советская социология во многом началась с его исследования по рабочему классу и технической интеллигенции.**

— Михаила Трифоновича Иовчука сегодня почти никто не помнит на Урале, разве что профессор Г.П. Орлов, который учился в аспирантуре на кафедре диамата и истмата в УрГУ, когда ею заведовал Иовчук. Он ведь был сослан на Урал после какой-то неприятности, которая у него была в то время, когда он был секретарем ЦК КП Белоруссии по пропаганде (конец 1940-х гг.). На Урале он пробыл несколько лет, точно даже не помню, в каком году он снова оказался востребованным в

Москве. Мне довелось его лично знать и даже бывать у него дома в Москве на Ленинском проспекте. Это было в 1968 г. Я был молодой доцент, находился на пятимесячной стажировке в ИПК при МГУ, а он читал лекции слушателям. Я даже был старостой этой группы (по его настоянию), поскольку он благоволил к уральцам, и на меня это отношение распространялось автоматически. Именно в это время его назначили ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС, чем он страшно гордился. Последние лекции курса он читал через раз, поскольку был очень занят на новой работе. Но зато всегда приносил с собой новые факты о том, что происходило в это время в Чехословакии. От него мы многое и узнавали, что было очень важно, поскольку, как известно, информацией нас об этих событиях, мягко говоря, не баловали. Что касается участия Иовчука в исследованиях рабочего класса и научно-технического прогресса, то он ими только руководил и обеспечивал публикацию материалов. Главную же работу делал Л.Н. Коган и его люди.

Здесь не могу не сказать о взаимоотношениях Иовчука и Когана. Это удивительно, как у таких разных во всем людей могла быть такая взаимная любовь. Я понимаю, откуда это чувство у Иовчука: он любил Когана как родного сына, что и понятно. Коган был необычайно талантлив и работоспособен. У них была масса совместных публикаций, причем не только в 1960-е, но даже в 1970 и 1980-е гг. Нетрудно догадаться, кому принадлежала львиная доля авторства. В конце 1980-х — 1990-е гг., когда мы очень сблизились с Л.Н., я ему задавал не раз вопрос о его отношении с Иовчуком. Без всякого энтузиазма и желания развернуто обсуждать эту тему он говорил о том, что многим обязан Иовчуку. И я его понял. В тяжелые годы антисемитизма (1950-е) Иовчук, действительно, не раз защищал Когана, хотя тот ни чем не был замешан, разве что был "виноват" в испорченной анкете.

Вторая часть вопроса — о М.Н. Руткевиче. Честно скажу, что это тот случай, когда я вынужден сказать: "О покойниках или хорошо, или никак". Хорошо не могу, слишком много зла он мне причинил в жизни. Началось с того, что я отказался идти работать к нему на кафедру (после отъезда Иовчука он стал заведовать той же кафедрой). И он меня сразу предупредил: Вы еще горько пожалеете о своем отказе. Я ему был нужен, чтобы переводить зарубежные тексты с английского и французского, а я этого не хотел. Никогда не жалел о своем отказе, а он мне мстил за это много лет. На этом, пожалуй, я остановлюсь в своих личных оценках. Иначе придется вспоминать, какие методы он использовал в этой мести, чего совсем не хочется делать.

— **... мы остановились в разговоре о вашей жизни, когда Вы были учителем истории в школе. Что заставило Вас или что повлияло на вас, что вы решили идти в науку? Как это происходило? Было ли это движение сразу в социологию или были какие-то промежуточные ступени?**

— Работая учителем в школе, я понял, что надолго в ней не задержусь. Не потому, что мне в ней было некомфортно, как раз наоборот, мне нравилась профессия педагога. Но в то же время тянуло в науку, причем первые два года работы в школе (а это были школы в г.Уфе, куда я поехал работать после окончания университета) я не осознавал до конца, чем хочу заниматься в науке. И тогда я решил сдать кандидатские экзамены. Я прикрепился для этого в Башгосуниверситет и за год, второй сезон работы в школе, сдал английский язык и диамат с истматом. В 1961 г. я по семейным обстоятельствам переехал в Свердловск и поступил работать вновь в школу историком. В это время в Свердловске начала исследования научная группа Академии педнаук СССР. В ней работали опытные педагоги, только началось преподавание обществоведения в школе, что меня особенно привлекало. Я приглянулся этим людям как молодой учитель, тем более что у меня были сданы два кандидатских эк-

замена и открывался простор для написания диссертации. И именно в это время, примерно 1962 год, я стал задумываться о работе не в педагогике, а в сфере науки, о которой почти ничего не знал, но именно поэтому и хотелось попробовать в ней свои силы. Это была социология, о которой в начале 1960-х гг. не знал не только я, но и подавляющее большинство тех, кто работал в общественных и социально-гуманитарных науках.

Здесь произошла история, которая сильно подтолкнула меня к выбору дальнейшего пути. В 1963 г. меня рекомендовали (все та же научная группа АПН) для приема вступительных экзаменов по истории в Свердловский юридический институт. Я принимал экзамены в июле-августе с зав. кафедрой истории государства и права Б.Ф.Ливчаком; через несколько лет он блестяще защитил докторскую диссертацию. Он мне посоветовал пойти к ректору и поговорить. Так я оказался в вузе и по совету зав. кафедрой Г.П. Орлова стал заниматься изучением проблем свободного времени в зарубежной (тогда говорили — буржуазной) социологии.

— Возвращаясь в начало 1960-х, мы вспоминаем многих, кто в той или иной степени занимался изучением бюджета времени. Была небольшая книжечка по свободному времени у Б.А. Грушина, В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов провели свое первое социологическое исследование, под дружеским давлением И.С. Кона, именно по этой проблематике, она же была темой кандидатской диссертации В.В. Водзинской, под руководством Здравомыслова началось обширное лонгитюдное изучение бюджета времени аппарата ленинградских райкомов КССС, в Новосибирске с подачи Г.А. Пруденского активные работники В.Д. Патрушев и В.А. Артемов. Наконец, классика — "Человек после работы" Л.А.Гордона и Э.В. Клопова. Чем вы объясните этот феномен?

— Вопрос об интересе к проблематике свободного времени и изучению бюджета времени в целом, отдельных категорий населения в особенности — не простой. Для начала я скажу о том, что во второй половине 1960-х гг. сложилось несколько центров исследования этой проблемы. В Москве это были исследования, которые провел Б.А. Грушин, сотрудничая с "Комсомольской правдой". Газета тогда провела анкетный опрос населения страны. Автором анкеты был он. Результаты были обобщены в книжке Грушина "Свободное время: актуальные проблемы" (М., 1967). Чуть позже этой проблемой начали заниматься в Москве же Л.А. Гордон и Э.В. Клопов. Их знаменитое исследование в Таганроге нашло отражение в книге "Человек после работы" (М., 1972), которая по замыслу должна была стать продолжением ядовско-здравомысловской "Человек и его работа". Насколько я понимаю, тема свободного времени никогда напрямую не интересовала ни того (Ядова), ни другого (Здравомыслова). То, что последний изучал бюджет времени парт. работников, было, по-моему, проходным и всерьез его не интересовало. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что серьезных публикаций на эту тему у Андрея Григорьевича не было. По крайней мере, я их не видел. А копал я эту проблему в те годы достаточно серьезно, и практически все, что выходило в печати, попадало в сферу моего внимания. И если уже говорить об исследованиях в Ленинграде, то их вел Александр Васильевич Неценко, которого я очень хорошо знал. Он очень глубоко и тщательно изучал бюджет времени студентов Питера, издал книгу "Социально-экономические проблемы свободного времени при социализме" (Л., 1975), защитил на эту тему докторскую, а 1980-е гг. переехал в Минск (он развелся, женился вновь, и ему с женой в Минске дали квартиру и работу. Я у него там был, когда приезжал в Минск оппонировать: это было в день Чернобыльской трагедии).

Было в стране еще два центра изучения обсуждаемой проблемы — в Новосибирске (Красноярске) и Свердловске. Самый большой был в Новосибирске, где исследованиями руководил

Г.А.Пруденский. Он переехал в Новосибирск из Свердловска, где после войны был сначала ректором Политехнического института (на базе которого и существует сейчас Федеральный университет), а затем секретарем Свердловского ГК КПСС по пропаганде. В Новосибирске Пруденский стал директором Института экономики и организации производства (собственно, он поехал в Академгородок за членкорством, которое вскоре и получил, но до академика не дослужился, поскольку вскоре умер). Вышла у него в 1964 г. книга "Время и труд", где он ввел категорию "внеабочее время" (думаю, с подачи его ученика В.Д. Патрушева, который сначала работал в Красноярске, а потом его перевез в Новосибирск Пруденский; кстати, Патрушев в Новосибирске задержался не очень надолго: как только директором ИСИ стал Руткевич, он пригласил Патрушева в Москву, в ИСИ). Г.А. Пруденского я лично не знал, а В.Д. Патрушева — знал очень хорошо. В Новосибирске была очень неплохая группа исследователей бюджетов времени, в том числе и свободного времени: В.А. Артемов, Б.П. Кутырев, Л.С. Колобов, В.И. Болгов (который тоже потом переехал в ИСИ) и др. Сейчас из этой когорты остался один В.А. Артемов. Справедливости ради я должен сказать, что самые серьезные исследования бюджета времени вели Патрушев и Артемов.

Наконец, не могу не сказать о центре исследований в Свердловске, который возглавили Г.П. Орлов и я. Его особенностью была разработка теории свободного времени, эмпирических исследований во второй половине 1960-х-начале 1970-х по этой проблеме почти не проводилось. В 1970 г. вышла наша совместная работа "Досуг: действительность и иллюзии", в этом же году Г.П. Орлов защитил докторскую. В 1973 г. сделал это и я, тема моей работы — "Свободное время как социологическая категория: социально-исторический анализ". Я попытался показать сквозной характер проблемы свободного времени (в докапиталистические эпохи — досуга) как с точки зрения его практического использования, так и теоретического анализа (сначала в философии, а затем — с 19 века — в социологии), доведя исследование до наших дней. Значительную часть работы составлял анализ зарубежной социологической литературы (на английском, французском, польском, чешском, болгарском языках). Высшей похвалой для меня (помимо единогласного голосования, один бюллетень оказался испорченным) была оценка диссертации В.А. Ядовым и Л.Н. Коганом; оба были моими официальными оппонентами.

Кстати, здесь же отвечу на вопрос о теме кандидатской диссертации — "Критика буржуазной социологии досуга" (защита в апреле 1965 г.). Тогда по-другому работу нельзя было называть, даже и мысли об этом не было. Реально моя задача заключалась не в том, чтобы "разбить идейных врагов", а в том, чтобы показать фактуру, тот материал, который реально люди делали. Я старался как можно больше цитировать зарубежных социологов, принцип же моего писания был такой: умный поймет, а дураку и не надо.

Касаясь работы свердловских социологов по проблеме свободного времени, должен сказать, что они группировались вокруг кафедры философии юридического института, где работали Орлов и я. Это были в основном наши с ним аспиранты и некоторые преподаватели из других вузов города, многие из которых потом защитили не только кандидатские, но и докторские диссертации (но уже не по проблемам свободного времени).

Теперь я попытаюсь объяснить, почему в то время (1960 — начало 1970-х гг.) был такой интерес к поставленной проблеме. Возрождение, или, точнее, новое рождение отечественной социологии (здесь я абсолютно с Вами согласен) шло в разных направлениях — не только тематических и содержательных, но и "методных". Поскольку социология была занята мучительным поиском точных, строгих, адекватных методов, то внимание и было обращено к одному из них. Это был метод изучения бюджета времени. Когда каждый вид деятельности, вся повсед-

невная жизнь могут быть выражены строго в часах и минутах, процентах, удельных весах и т.д., это дает понимание не приближенности данных оценочного характера, а определенности и точности результатов. Материалы таких исследований могут быть использованы в управленческих решениях (если они кому-нибудь будут нужны). Важно другое: исследуя социальные процессы таким путем, социология обозначала свое место в системе научного знания и претензии на то, чтобы это место занять. Поэтому, когда задавался традиционный вопрос о том, что социология может, тут же из рукава доставалась козырная карта в виде точного метода, с помощью которого можно было получать неясное знание. Думаю, что приведенное объяснение не является исчерпывающим, но, как мне кажется, является каким-то ответом на поставленный вопрос.

— **Сначала напомню Вам, что самое первое исследование А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова было сделано с подачи И.С. Кона, который прочитал в "Коммунисте" статью Г.А. Пруденского и "зажегся". Что касается отсутствия у Здравомыслова публикаций по изучению бюджета времени, то объяснение лишь одно: и сам факт этого проекта, и — тем более — результаты были абсолютно засекреченными. Надеюсь, в скором времени выйдет статья его коллег Л.П. Абрамовой и Г.Г. Филиппова, в которой многое будет рассказано. И дополнение к предыдущему вопросу: "А не кажется ли вам, что Г.А. Пруденский в своих исследованиях шел от ощущения необходимости изучения реальности и от стремления продолжить работы С.Г. Струмилина? Т.е., к социологии от экономики?"**

— Отчасти, возможно, что и так. Но я думаю в этой связи немного о другом. Г.А. Пруденский руководствовался, как мне кажется, идеей переструктурирования социального времени, точнее, приспособления его структуры к потребностям конкретного (эмпирического) исследования, а еще больше — изучения общества, его классов (социальных групп), трудовых коллективов и т.д. Чтобы его осуществить, нужна была операционализация социального времени, выполненная на иной, нежели у Струмилина, основе. С.Г. Струминин исходил из выделения в структуре времени общества двух его частей — необходимого и свободного. Пруденский, по указанной мной выше причине, такой подход не устраивал, равно как не устраивала структура, включавшая в себя рабочее и свободное время. Между ними должны были находиться временные характеристики видов деятельности, которые непосредственно не относились ни к тому, ни к другому. Так появилось вне рабочее время, противостоявшее рабочему и включавшего в себя свободное время. Здесь, конечно, имели еще значение признаки свободы (свободной деятельности), по-разному присутствовавшие в каждой из временных структур. Конечно, Г.А. Пруденский не хотел быть экономистом больше, чем Римский папа — католиком. Но он не хотел быть и таким же экономистом, как папа. Думаю, что в условиях зарождавшейся социологии он хотел быть и тем, и другим — и социологом, и экономистом.

— **Второй вопрос о З.И. Файнбурге. Я не был с ним знаком, лишь просматривал его некоторые статьи. Но из бесед с Т.И. Заславской, Г.В. Осиповым возникает очень располагающий образ этого человека: многогранный ученый, человек, отлично понимавший свое время, профессор. Что вы могли бы добавить к портрету Файнбурга?**

— Я достаточно хорошо знал Захара Ильича Файнбурга на протяжении многих лет — с 1965, когда познакомился с ним в Польше (я об этом уже говорил выше), вплоть до его смерти в 1990 г. Его жена — Галина Петровна Козлова, умнейшая женщина и прекрасный экономист, она была к.э.н., вместе они написали ряд работ — после его смерти прислала мне большой (на целую газетную полосу) некролог, и вскоре после этого умерла сама. А с их сыном Григорием — он доктор технических на-

ук, большая умница, мы поддерживаем также очень теплые отношения, но видимся редко, в основном на Файнбургских чтениях, которые регулярно, раз в два года, устраивают пермские социологи из Политеха (ныне Пермский национальный научно-исследовательский университет), где З.И. много лет заведовал кафедрой. Он был прекрасным социологом, теоретиком, методологом и эмпириком в равной мере, участвовал в составлении самых первых планов социального развития. Сфера его традиционных интересов — не только труд, но и творчество, прежде всего научно-техническое, хотя писал он и о многом другом. Его волновали проблемы будущего общества, особенно в связи с анализом творчества Маркса, на которое у него всегда были свои собственные, нетрадиционные для советского времени взгляды.

Помимо этого, он очень увлекался научной фантастикой — в том смысле, что занимался научным анализом произведений научных фантастов. Помню, что когда мы были в Польше, он ездил к С. Лему, который жил в то время где-то в горах, по-моему, польских Закопане. Приехал от него счастливый и вдохновленный. Он был намного старше нас и мудрее. Захар Ильич был не простым человеком, зачастую бескомпромиссным, особенно по отношению к некоторым властям имущим. Не всегда у него складывались отношения и с Л.Н. Коганом, между яркими людьми это бывает. Подчас даже трудно объяснить, почему. Тем не менее, в целом они ладили. Я абсолютно подтверждаю тезис о том, что З.И. был блестящим профессором и очень неординарным человеком. Не зря вот уже больше 20 лет в Перми чтят его память, публикуют избранные работы и посвящают его творчеству конференции.

Об истории современной российской социологии

— **Поговорим немного об истории отечественной социологии? Прежде всего, как вы ее называете русской или российской и как периодизируете ее развитие?**

— Отечественную социологию я называю исключительно российской, причем именно ту часть ее истории, которая была связана с дореволюционным (до октября 1917 г.) развитием страны. Эта социология возникла и развивалась на территории России, в этом смысле (для определения названия) ее национально-этническая характеристика не имеет никакого значения. Возникает она после реформы 1861 г. (или реформ 1860-х — 1870-х гг.), связана с появлением капитализма в России. Конечно, имел место предсоциологический этап, главное место здесь занимали взгляды Чаадаева и Кавелина, хотя я прекрасно осознаю роль Майкова, Вырубова, Новикова, славянофилов и западников. Я считаю, что отечественная социология XIX в. возникла гораздо позднее, чем западная (как минимум, лет на 30, я имею в виду, прежде всего, позитивистские взгляды, которые были исторически первыми и на Западе, и у нас), и в этом смысле она вторична. Я противник утверждений об оригинальности российской социологии и считаю, что они хорошо иллюстрируют известный анекдот о России как о родине слов. Оригинальными являются отдельные теории и направления, например, субъективная социология и тесно связанное с ней психологическое направление (Кареев, Лавров, Михайловский, Южаков, де Роберти).

За чуть более чем полувекое развитие российской социологии (после 1861 г.) условно можно выделить три периода: первый — 1860-1890-е гг. (господство субъективной социологии и позитивизма), второй — 1890-е гг. — начало XX в. (господство неоканттианства), третий — начало 1890-х гг. — рубеж 1910-1920-х гг. (господство неопозитивизма). В моем учебнике по истории социологии рассмотрению этого этапа — я его называю классическим — посвящено около 100 страниц текста (5 глав). Помимо характеристики особенностей российской социологии в целом, каждого периода в частности, подробно рассмотрены взгляды и теории таких авторов, как упомянутые

выше социологи, а также Ковалевский, Данилевский, Стронин, Лиленфельд, Мечников, Хвостов, Кистяковский, Петражицкий, Новгородцев, Тахтарев, Звоницкая и, конечно, Сорокин (русский этап его творчества; американский подробнейшим образом охарактеризован во второй части учебника, посвященного современному этапу развития социологии).

В целом я считаю, что российская социологическая "классика" оказалась не столь протяженной во времени, как европейская, и менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями. В России не произошла хотя бы частичная институционализация социологии: ее не было в вузах, она не была признана правящей верхушкой, не проводилось эмпирических исследований, так и не было создано сообщества социологов (если не считать общества Ковалевского, появившегося после его смерти, но это уже было в конце), Россия не дала миру ни одного социолога крупного, "классического", мирового масштаба (Сорокин не в счет, он стал широко известным уже в США).

— **Вы знаете письмо А.Г. Здравомыслова ко мне, в котором он писал: "Я отсчитываю начало российской социологии с А.И. Герцена. А Зборовский — с Михайловского и Лаврова. В этом суть того, что я назвал недооценкой, а так учебник неплохой". Как бы Вы прокомментировали эти слова?**

— Я могу лишь продолжить свои рассуждения, предложенные в ответе на предшествующий вопрос о периодизации российской социологии. Коротко говоря, я не считаю Герцена социологом, а Лаврова и Михайловского — считаю. Как и всех "западников", я его отношу к "предсоциологам", т.е. к тем мыслителям, которые идейно обеспечили появление российской социологии в послереформенный период. Вообще же вопрос упирается в критерии: 1. что считать точкой отсчета российской социологии; 2. кого считать социологом, а кого — нет. Это — сложнейшие теоретические вопросы, и суть моих расхождений как с А.Г. Здравомысловым, так и с названными Вами в следующем вопросе петербургскими социологами А.О.Бороньевым, И.А.Голосенко, В.В.Козловским состоит именно в трактовках этих критериев. Сразу хочу сказать: я не считаю себя достаточным специалистом по отечественной социологии дореволюционного (1917 г.) этапа, достаточным в том смысле, что специально не исследовал творчество подавляющего большинства российских социологов середины и второй половины XIX — начала XX вв., хотя, разумеется, все (или почти все) основные их работы мне хорошо известны. Для написания учебника мне не нужно было детально разбираться в нюансах их идей и взглядов. В конце концов, у меня была другая задача: я писал учебник не по истории российской социологии. Последнюю же рассматривал как часть мировой истории социологии.

Вообще вся эта ситуация и весь этот спор мне удивительным образом напоминает дискуссию о зарождении социологии на Западе. Тот же самый вопрос: кого считать основоположником этой науки? Тот же самый вопрос: кто — социолог, а кто — нет, а только объективно готовил своими работами и идеями ее появление? Почитайте Раймона Арона, одного из крупнейших теоретиков и историков социологии середины прошлого столетия, и Вы увидите, что он начало социологии связывает с именем не Конта, а Монтескье. В "Этапах развития социологической мысли" (М., 1993) Арон прямо называет его основоположником социологической мысли, посвящая ему первую главу своей фундаментальной монографии (творчество Конта он рассматривает во второй главе). Но я считаю, что с таким же, а, может быть, большим успехом имеет смысл связывать зарождение социологии если не с Контом, то скорее с Сен-Симоном, ибо все базовые положения позитивизма были сформулированы именно им (я имею в виду его "Очерк науки о человеке", 1813 г.). Тем более, что Конт реально был его учеником, проработав 7 лет личным секретарем у своего патрона и постоянно вращаясь все эти годы в мире его идей и сужде-

ний. Но предмет, метод, основные понятия, принципы, наконец, проблематику и т.д. социологии сформулировали не Монтескье, не Сен-Симон, а Конт. Кто-то из американских социологов конца прошлого века сказал, что Конт дал социологии не только имя, но и программу. И я с этим согласен. Именно это обстоятельство дает главное основание не только мне, но и значительной части социологов считать Конта основоположником социологической науки. При этом в любом случае, кого бы ни рассматривали в качестве основоположника, французский след в основании социологии оказывается самым сильным и заметным и практически не подлежит сомнению.

В случае с российской социологией ситуация далека от проведения прямой аналогии, но что-то похожее имеет место. Речь идет о том, кто формулировал базовые социологические, подчеркиваю, именно социологические трактовки (предмета, метода, основные взгляды на общество, его структуру, социальную, экономическую и политическую систему, личность и т.д.), а кто — нет. С моей точки зрения, это делали именно те, кого я отношу к представителям социологической науки и кого называю среди них. Еще раз повторяю: при всем величии Герцена как мыслителя я не считаю его социологом. И в этом — суть различий. Такие же рассуждения уместны и в ответе на следующий ваш вопрос (считаю, что по существу уже на него ответил). Не в том дело, кого персонально выделять; главное — на основании каких критериев.

— **Несколько лет назад Вы изложили свои взгляды на историю социологии в петербургском "Журнале социологии и социальной антропологии". Что объединяет и что разъединяет Вас в трактовке дореволюционного периода российской социологии с петербургскими исследователями? Я имею в виду А.О. Бороньева, И.А. Голосенко, В.В. Козловского и других.**

— Что же касается трактовки всего дореволюционного периода российской социологии, точнее различий в этой трактовке между мной и уважаемыми мною (Вами названными) коллегами, то еще раз отмечу явную недооценку (и этим подтверждаю мнение А.Г. Здравомыслова) мною оригинальности отечественной социологии (в сравнении с их оценками), причем недооценку не случайную, а осмысленную и подтверждаемую. Я называю отечественную социологию вторичной по происхождению, возникшей в значительной степени под влиянием западных работ. Не случайно отечественная дореволюционная социология не получила (за редким исключением — Ковалевского, де Роберти, Вырубова, Новикова) широкого признания за рубежом России. Возможно, дело в том, что русскоязычные работы мало кто читал на Западе (как это происходит и сейчас). Но многие дореволюционные социологи хорошо владели иностранными языками и публиковались в зарубежных изданиях время от времени, тем не менее, популярность их работ была невелика. О чем-то это, вероятно, говорит. Впрочем, возможно, что какие-то вещи я недостаточно хорошо знаю и не совсем верно оцениваю.

— **Если Вы заметили, в моем вопросе я спрашивал об истории отечественной социологии в целом. Потому, пожалуйста, распространите Вашу периодизацию на весь период советской социологии и до наших дней.**

— Именно этого — вопроса о периодизации всей отечественной социологии — я как раз и не понял. Как мне показалось, он касался истории отечественной социологии (слова "всей", в целом, не было) и ее названия (русской или российской), а также периодизации. Поскольку Вы меня спросили о периодизации российской социологии, я о ней и говорил, имея в виду, что после 1917 г. начинается советская социология, которая после 1991 г. вновь "превращается" в российскую (такие словесные сложности — хитрости). Периодизация советской (затем российской) социологии мне представляется следующей.

Первый период — с конца 1917 г. (от Октябрьской революции) до начала 1930-х гг. В его рамках я выделяю два подпери-

ода. Первый — с конца 1917 до конца 1922 г. (высылка Сорокина из России, сведение на-нет немарксистских публикаций и социологической деятельности их авторов) — я определяю в самом общем плане как время противоборства немарксистской (антимарксистской) и марксистской социологии, второй подпериод — с конца 1922 г. до начала 1930-х гг. — как время утверждения и победы марксистской социологии, завершившееся, в точном соответствии с логикой развития социальных и идеологических процессов в СССР, реальным запретом и теоретическим, и эмпирическим социологическим исследований. Затем наступает перерыв в развитии социологии (начало 1930-х — конец 1950-х гг.), когда в условиях господства сталинского режима социология оказалась под запретом.

Второй период — конец 1950-х — конец 1980-х (начало 1990-х) гг. В его рамках я выделяю два подпериода — конец 1950-х — начало 1970-х гг., который я определяю как время возрождения отечественной социологии (но здесь — еще раз говорю — я согласен с Вами, что гораздо точнее определять этот подпериод как время ее нового, второго рождения, поскольку возродиться было не из чего), и второй подпериод — с начала 1970-х гг. до конца 1980-х гг. — как социология периода застоя.

Наконец, с 1990-х гг. по настоящее время отечественная (вновь российская) социология переживает новый этап своего развития, характеристику которого я бы не рискнул дать в нескольких словах, поскольку это и институционализация социологии, и социологическое образование, и свобода социологического слова (пока еще), и широкая издательская деятельность, и развитие рынка социологических услуг, и новое социологическое мышление, и интеграция отечественной социологии в мировую науку, и развитие социологии в регионах России и т.д. Считайте, что я дал краткую аннотацию этого этапа.

— Назову одну из проблем, следующих из отмеченного Вами снижения уровня интереса студентов к науке

и слабого знания ими даже недавнего прошлого страны. Может произойти, если уже не произошло, расщепление послевоенной советской/российской социологии на две, скажем: доперестроечную и постперестроечную. И затем — забвение своего прошлого, аналогичное тому, что мы уже пережили: до недавнего времени почти полное незнание дореволюционной и ранне советской социологии. И не говорит ли сказанное о необходимости активизации исследований по истории недавнего прошлого, а то многое окажется невосполнимо потерянным?

— Я согласен с Вами. Такая опасность существует, и новое поколение социологов вполне может превратиться в "манкуртов". Причем эта опасность касается не только "доперестроечной", а также дореволюционной и раннесоветской социологии, но и вообще классического социологического наследия. Самое любопытное состоит в том, что этот феномен распространен не только у нас, но и за рубежом, там, может быть, даже еще больше. Когда появляется статья с названием "Зачем нам заморачиваться с Дюркгеймом" (Parker D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s //The Sociological Review. 1997. Vol.45. №1), отражающая на основании проведенного исследования мнение студентов американских университетов относительно изучения истории социологии, что удивляться этому нам? Думаю, что если бы провели сегодня такое же исследование мы среди наших студентов, вряд ли получили бы другое мнение. Но вообще это интересная тема для исследования.

Отсюда — очевидный вывод: необходима не только активизация исследований по истории социологии недавнего прошлого (что само по себе очень важно), но и работа со студентами в этом направлении. Ни одна разработка темы курсовой и дипломной работы не должна обходиться без ее серьезного историко-социологического анализа.